

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.134.3

ББК 83.3(4Пор)

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-36-48>

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ОБРАЗА БАБОЧКИ В ПОРТУГАЛЬСКОЙ ЛИРИКЕ XVII–XX ВЕКОВ

Варвара Александровна Махортова¹, Марина Викторовна Кутьева²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. Цель исследования – выявить многообразие семантических реализаций и градуальное усложнение образа бабочки в поэзии наиболее репрезентативных португальских литераторов XVII–XX вв. Среди них – Ж.Б. Алмейда-Гаррет, С. Верде, Ф. Эшпанка, Ф. Пессоа и другие самобытные представители барокко, романтизма, символизма и модерна. В португальской поэзии XVII–XVIII вв. (Ж. Баия, М. Бокаже) образ бабочки предстаёт как эмблема влюбленного юноши и является частью буколического пейзажа – фона для пасторальных сюжетов. Позднее бабочка выступает аллегорией легкости и свободы, чувства ностальгии и тоски (саудаде) и своеобразно ассоциируется с душой: не умиротворенной, но тревожной, смятенной, сумасшедшей и тоскующей. Модернист Ф. Пессоа трактует бабочку как манифестацию двух миров – реального и внутреннего, сокровенного. В XX в. психологические мотивы становятся приоритетными, однако и традиционные значения сохраняются, подвергаясь переосмыслению. В результате исследования определена лингвопоэтическая специфика образа бабочки, которая реализуется в многообразии символических значений и ассоциативных связей. Сделан вывод, что его эмотивное и смысловое развитие обусловлено двумя противоборствующими тенденциями: преемственностью и новаторством.

Ключевые слова: португальская поэзия, лингвопоэтическая семантика, контекст, *borboleta* / бабочка, метафора, символика, образ

Для цитирования: Махортова В. А., Кутьева М. В. Лингвопоэтическая семантика образа бабочки в португальской лирике XVII–XX веков // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 36–48. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-36-48>

Original article

LINGUOPOETIC SEMANTICS OF BUTTERFLY IMAGE IN PORTUGUESE LYRICS OF 17th-20th CENTURIES

Varvara A. Makhortova¹, Marina V. Kutyeveva²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

²Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. The purpose of the study is to identify the variety of semantic realizations and the gradual complication of the butterfly image in the poetry of the most representative Portuguese writers of the 17th-20th centuries. Among them are Almeida Garrett, Cesario Verde, Florbela Espanca, Fernando Pessoa and other original representatives of Baroque, Romanticism, Symbolism and Modernism. In Portuguese poetry of the 17th-18th centuries (Jerónimo Bahia, Manuel du Bocage) the image of a butterfly appears as the emblem of a young man in love and acts as part of a bucolic landscape – the background for pastoral subjects. Later, the butterfly acts as an allegory of lightness and freedom, feelings of nostalgia and longing (*saudade*); in addition, it is uniquely associated with the soul: not peaceful, but anxious, confused, crazy and longing. The modernist F. Pessoa interprets the butterfly as a manifestation of two worlds – the real and the inner, intimate. In the twentieth century, psychological motives become a priority, however, traditional meanings remain, undergoing reinterpretation. As a result of the research, the linguopoetic specificity of the butterfly image is determined, which is realized in a variety of symbolic meanings and associative connections. The authors conclude that its semantic development is conditioned by two opposing trends: continuity and innovation.

Key words: *Portuguese poetry, linguistic and poetic semantics, context, borboleta / butterfly, metaphor, symbolism, image*

For citation: Makhortova, V. A. and Kutyeva, M. V. (2025). Linguopoetic semantics of butterfly image in Portuguese lyrics of 17th-20th centuries. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 2, pp. 36-48. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-36-48>

Введение

Образ бабочки наделён многовековой символикой, ассоциируясь прежде всего с душой [Тресиддер, 1999, с. 18]. Неслучайно греческое слово «психея» (ψυχή) переводится и как «бабочка», и как «дух», «энергия», «ум», «отвага, смелость» [Греческо-русский словарь].

Биологический цикл насекомого – превращение из гусеницы в куколку и бабочку – воспринимается как символ духовного становления, в христианстве – воскрешения, бессмертия, вечной жизни [Тресиддер, 1999, с. 18], но в то же время и смерти, когда душа отлетает от тела [Blanco, 2019], что не мешает осмыслению бабочки и как аллегории радости [Керлот, 1994, с. 90].

Богатой символикой этого насекомого насыщена мировая литература. Выдающийся мастер хайку Мацуо Басё (1644–1694) видит в полете крылатой странницы воплощение свободы: «Через изгородь / Сколько раз перепорхнули / Крылья бабочки» [Бабочки полёт, 1998, с. 147]. Ёса Бусон (1716–1783), продолживший творческую линию Басё, непосредственно сравнивает её с душой: «Как призрачна она, / Бабочка на моей руке, / Словно чья-то душа!» [Классические хайку, 2000, с. 79]. Хрупкость этого неземного существа подталкивает поэта к размышлению о бренности бытия: «Сон или явь? / Трепетанье зажатой в горсти / Бабочки» [Бусон, 1998, с. 44]. Эта лирическая зарисовка представляет собой отсылку к знаменитой притче китайского мудреца Чжуан-цзы (369–286 гг. до н. э.) о том, как во сне он увидел себя *бабочкой* [Сюэ Фэй, 2022]. Проснувшись, философ недоумевал, кто он: человек, которому приснилась бабочка, или бабочка, которой снится человек? Рассматриваемое в связке с этим сюжетом стихотворение Бусона обретает иной смысловой вектор, выводящий на проблемы познаваемости мира.

С восточной поэзией перекликается и строфа современной бразильской поэтессы Аделии Праду (р. 1935): «Бабочка на цветке, / Что ты такое: / Бог или ноль?» [Праду, 2023, с. 130]. Ее соотечественник Винисиус ди Морайс посвящает бабочкам детское стихотворение: Brancas / Azuis / Amarelas / E pretas / Brincam / Na luz / As belas / Borboletas... [Escritas] – «Белые, / Синие,

/ Желтые / И черные / Резвятся / В лучах света / Красавицы / Бабочки...» (перевод В. Махортовой). Очаровательное в своей простоте, оно стало популярным в Бразилии и было положено на музыку.

Множеством синих бабочек, наводнивших долину Мусо, восхищается чилийская поэтесса, лауреат Нобелевской премии (1945) Габриэла Мистраль (1889–1957) в стихотворении *Mariposas* / «Бабочки». Это чудо, которое происходит наяву. Противоположным значением наделена бабочка в рассказе Эдгара По (1809–1849) «Сфинкс», где это порхающее создание предстает как мистический монстр, внушающий ужас. Интересно метафорическое соединение движения крыльев бабочки с перелистыванием страниц и шепотом у Р. Брэдли [Чистова, 2020, с. 139]. В романе «Коллекционер» Дж. Фаулза это насекомое реализуется как символ «красоты», «искусства», «коллекционирования» и «смерти» [Акатова, 2023, с. 76]. Просматривается и отождествление с деятельностью творческой личности, которая то прикасается к вечности, то попадает в жесткие сети суетливой обыденности [Le Corre, 2023], выживая в неприемлемых, агрессивных условиях [Terblanche, 2017].

Ангольский поэт Ндалу де Алмейда (р. 1977), пишущий под псевдонимом Онджаки, подчёркивает беспокойство пестрокрылой невесомой хлопотуны и лёгкость, с которой она, взмывая с ветром, переносится в сновидения и мечты. Важен и акцент на ассоциации «бабочка – душа»: *borboleta é um ser irrequieto, <...> descola por ventos e facilmente aterriza em sonhos. Borboleta tem correspondência directa / Com a palavra alma* [Rutterova, 2018, p. 30] – «Бабочка – существо тревожное, <...> взлетает по ветру и легко приземляется в мечтах. / Бабочка напрямую связана / со словом ‘душа’» (здесь и далее перевод В. А. Махортовой, М. В. Кутевой, если не указано иное).

Эту же метафорическую связь развивает крупнейший представитель Бенгальского Возрождения, лауреат Нобелевской премии (1913) индийский литератор Рабиндранат Тагор (1861–1941): «Бабочки – это живые души цветов. У бабочки не годы, а мгновения, – и ей хватает времени» [URL: <https://burido.ru/1370-tsitaty-pro-babochek>].

В русской поэзии образ бабочки широко представлен в творчестве А. Фета, К. Бальмонта, О. Мандельштама, В. Набокова, И. Бродского, А. Тарковского. Каждый из них по-своему эстетически осваивает эту удивительную составляющую общечеловеческой картины мира [Дробышева, 2015; Явинская, 2018; Котовчихина, 2019].

А. Фет через параллель с этим чудом природы передаёт ощущение быстротечности жизни, эфемерности, динамичности и недолговечности бытия [Рогова, 2007; Колосова, 2017]. О. Мандельштам именует бабочку «жизняночка и умиранка» [URL: <https://poemata.ru/poets/mandelshtam-osip/o-babochka-omusulmanka/>], воспроизводя имманентную этому образу дуальную семантику ухода в мир иной и возрождения. У И. Бродского – это воплощение диалектического единства *ничто-всё* [Богданова, Баранова, 2023], а также эмблема гениальности, непостижимости, красоты, раскрепощенности мысли и духа, символ взаимодействия между мирами живых и мёртвых, между земным и небесным. Главной для лингвопоэтики бабочки в русской лирике является традиционная ассоциация с душой [Пименова, Айдарбекова, Ибраимова, 2023].

Профессиональный энтомолог В. Набоков посвятил изучению этого насекомого всю жизнь, создав несколько ценных коллекций. В его литературном творчестве бабочка стала синонимом счастья, радости и мечты [Михайлова, 2010]. Для поэта она «греза березовой северной рощи! / Трепет, и смех, и любовь юности вечной...» [URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/125.htm>].

Даже этот краткий и не претендующий на всеохватность обзор дает представление, сколь различны в мировой литературе художественные интерпретации образа бабочки, который стал универсальным и сквозным во всемирной поэзии, прозе и культуре [Баранова, 2017]. Многоплановость реализаций его метафорического потенциала диктуется спецификой осмысления символизируемого объекта в культурном пространстве разных эпох, этносов и авторских идиостилей [Трунова, Волкова, 2020]. Мы ставим перед собой цель выявить многообразие семантических реализаций и градуальное усложнение образа бабочки в поэзии наиболее репрезентативных португальских литераторов XVII–XX вв.

Исследование и его результаты

Лингвопоэтическая трансформация образа бабочки в португальской поэзии

1. XVII – начало XIX в.: Ж. Баия, М. Бокаже, Ж. Б. Алмейда-Гаррет

Жеронимо Баия (1620/1630–1688), монах бенедиктинского монастыря и придворный литератор эпохи барокко, в хвалебной оде *Lampadário de cristal...*, посвященной принцу Педру и его августейшей супруге Марии Франциске Изабелле Савойской, прибегает к образу бабочки, в которую превращается птица Феникс – величественный символ Солнца и бессмертия: *Aquela ave do Sol e Sol das aves / De ser Fénix deixara / Só por ser borboleta* [URL: <http://alfarrabio.di.uminho.pt/vercial/baia.htm>] – «Та птица Солнца и Солнце птиц / Перестала быть Фениксом, / Чтобы обернуться бабочкой».

Превращение происходит благодаря огненному сиянию монархов, под воздействием исходящего от них света. Бабочка выступает жрицей смертей; их сказочная птица переплавляет в мириады жизней: *Qual Fénix renovara inda mais vidas / Por lograr borboleta inda mais mortes* [URL: <http://alfarrabio.di.uminho.pt/vercial/baia.htm>] – «Феникс возродила бы еще больше жизней / Ведь бабочка заполучила бы ещё больше смертей».

В другом стихотворении Ж. Баия задействует образ бабочки в сопровождении пчелы в качестве аллегории влюбленного юноши. Пара бабочка-пчела, подразумевающая антитезу кратковременность – длительность, реферирует к противоречивости страстного чувства, когда влюбленному кажется, что он и полон жизни, и вот-вот умрет.

*Quando o Sol nasce e a sombra principia,
A doce abelha, a borboleta airosa
Procura luz ardente e fresca rosa,
Que faz a Terra céu e a noite dia.*

*Когда восходит солнце и занимается рассвет,
Сладкая пчела и невесомая бабочка
Летят на яркое сиянье и к свежей розе,
Земля превращается в небо, а ночь – в день!*

*Mas quando à flor se entrega, à luz se fia,
Uma fica infeliz, outra ditosa,
Poís vive a abelha e morre a mariposa
Na favorá vel rosa e chama impia.*

*Но доверяясь цветку и свету,
Первая станет несчастной, вторая – счастливой,
Пчела живёт, а бабочка – умрёт
И в розе благодной, и в пламени греховном.*

*Filis, abelha sou, sou borboleta
Que com afecto igual, com igual sorte,
Busco em vós melhor luz, flor mais selecta,
Mas quando a flor é branda, a chama é forte,
Néctar acho na flor, na luz cometa,
A boca me dá vida, os olhos morte.*

*О, Филлис, я пчела, я бабочка!
И с тем же чувством, с тем же вдохновеньем
Ищу в тебе я света яркость и розы грациозность.
И когда роза нежна, а пламя сильно,
Нектар я нахожу в цветке, комету – в свете,
И губы жизнь дают мне, смерть дают глаза.*

[Escritas]

Отметим, что в португальской поэзии диада «бабочка (движение, активность, безудержность страсти) – он, а цветок (статика, привлекательность, красота) – она» обретает устойчивый характер. Это отличает поэзию Португалии от других литературных традиций, в которых в роли бабочки представлена женщина. Вспомним, например, слова из женского романа: «Я, словно бабочка к огню, стремилась так неодолимо...» (Э. Рязанов). И если в античном искусстве популярен сюжет, как Амур с горящим факелом в руке ловит бабочку-Психею, то в португальской поэзии огонь становится принадлежностью «жертвы», а «ловец» оборачивается бабочкой. К аллегории «бабочка и пчела – кавалеры, цветок – дама» обращается самый яркий португальский поэт-романтик Ж. Б. Алмейда-Гаррет (1799–1854). Однако тональность его стихотворения иная: чувствуется поучительность. Поэт не столько восхищается красавицей розой, сколько журит и критикует ее за отсутствие шипов, иными словами – за излишнюю уступчивость и неумение дать отпор настойчивым поклонникам, роль которых взяли на себя насекомые.

*Para todos tens carinhos,
A ninguém mostras rigor!
Que rosa és tu sem espinhos?
Ai, que não te entendo, flor!*

*Se a borboleta vaidosa
A desdém te vai beijar,
O mais que lhe fazes, rosa,
É sorrir e é corar.*

*E quando a sonsa da abelha,
Tão modesta em seu zumbir,
Te diz: Ó rosa vermelha,
Bem me podes acudir...*

[Citador]

*Ты ко всем полна привета,
Не сурова ни к кому!
Роза без шипов – что это?
Нет! Тебя я не пойму.*

*Если вдруг тебя небрежно
Поцелует мотылек –
Ты лишь улыбнешься нежно:
«Как осмелиться он мог?»*

*Если шмель, жужжащий скромно –
Хоть лукав он и хитёр –
«Роза, роза! – скажет томно, –
Преклони ко мне свой взор...»*

(перевод А. Родосского)
[Алмейда Гаррет, 1998, с. 215]

В оригинале очарование розы привлекает в качестве ухажеров высокомерную бабочку (*a borboleta vaidosa*) и лукавую, притворяющуюся робкой и стеснительной пчелу (*a sonsa da abelha*). В переводе амурный подтекст усиливается за счет намеренного и вполне правомерного использования лексем мужского рода: «мотылек» и «шмель» вместо исходных «бабочки» и «пчелы». Для номинации цветка, над которым они кружат, осталось без изменений существительное женского рода «роза»; его теоретически можно было бы заменить на «цветок», что полностью перевернуло бы вектор пасторального флирта.

Совместно пчела и бабочка появляются и в поэзии Мануэла Марии Барбозы ду Бокаже (1765–1805), предшественника Алмейды-Гаррета. Обратимся к одному из самых известных его сонетов, названному первой строкой: *Olha Marília, as flautas dos pastores* – «Послушай, Марилия, флейты пастухов». В этом филигранном произведении насекомые вместе с миром флоры и вздыхающим соловьём формируют ликующий, идиллический пейзаж (*locus amoenus*), который служит умиротворённым фоном для изображения романтической прогулки влюбленной пары:

*Vê como ali, beijando-se, os Amores
Incitam nossos ósculos ardentes!
Ei-las de planta em planta as inocentes
As vagas borboletas de mil cores!*

*Naquele arbusto o rouxinol suspira;
Ora nas folhas a abelhinha pára.
Ora nos ares sussurrando, gira.*

[URL: <https://www.portaldaliteratura.com>]

*Целуются Амуры, чтобы вдруг
Зажечь и в нас любовные порывы,
А бабочки, легки и шаловливы,
В сто разных красок красят мир вокруг.*

*Рулады соловей выводит в чаще,
Порхает от цветка к цветку пчела,
Стараясь выбрать тот, который слаще.*

(перевод В. Резниченко)

[Бокаже, 1988, с. 41]

Бабочки охарактеризованы поэтом как *inocentes*/невинные, наивные и *vagas*/праздные ленивые. Лексема *пчела* (*abelha*) дана в уменьшительно-ласкательной форме: *пчёлка/abelhinha*. Она не жужжит, а что-то *нашёптывает* (*sussurra*), хлопоча среди благоухающих растений цветущего луга. Эти периферийные, но по-своему яркие нюансы не нашли отражения в переводе на русский язык. Тем не менее они важны для орнаментальной лирики неоклассицизма, ибо создают игривое настроение, мажорную тональность, ощущение безмятежного, ясного, радостного утра и лёгкости бытия, воспринимаемого как ничем не омрачаемое праздничное веселье.

Итак, в XVII–XVIII вв. бабочка воспринимается поэтами как аллегория влюбленного героя или украшающая, антуражная деталь, оживляющая ландшафт. Последующие эпохи усложнили этот образ и внесли в него минорные краски.

2. XIX в.: Ж. Диниш, Ж. де Лемуш и С. Верде

Жулиу Диниш (1839–1871), поэт-романтик, вписывает образ бабочки в притчу, по сюжету которой листок вяза (в португальском языке слово *folha* / *лист* – женского рода) завидует крылатой страннице.

*E ela, vendo a borboleta
Livre no espaço, tremia
De paixão, de dor secreta,
De inveja que a consumia.
Inveja de liberdade,
Inveja de espaço e vida...*

[URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/75980871.pdf>]

*И она, глядя на бабочку,
Порхающую в воздухе, трепетала
От страсти, потаенной боли,
От зависти, которая её снедала.
От зависти к свободе,
От зависти к простору и жизни...*

Бабочке поэт уподобляет юную девушку, которая хочет освободиться от родительской опеки и начать самостоятельную жизнь. Причина зависти в том, что листок зависит от ветки, а бабочка свободно кружит в воздухе, летит куда захочет.

Однако ассоциацию с лёгкостью и свободой нельзя считать главной в ткани поэтического дискурса Португалии. Ещё один представитель романтического направления Жоау де Лемуш (1819–1890), обращаясь к национальной тематике, связывает образ небольшой бабочки-мотылька с многомерным и неоднозначным чувством *саудаде*, которое занимает особое место в картине мира португальцев и являет собой мощную движущую силу португальской лирики [Braz Teixeira, 2006; Soto, Quintanar, 2021]. Объединяя в себе широкий спектр переживаний – от светлой грусти до щемящей тоски, *саудаде* основывается на воспоминаниях об особенно дорогих для нас людях, предметах или местах, которых нет рядом. В стихотворении A Lua de Londres / «Лондонская

луна», написанном Лемушем в эмиграции, *саудаде* представляет собой ностальгию о далёкой родине.

A Lua de Londres

<...>

*Meiga lua! os teus segredos
Onde os deixaste ficar?
Deixaste-os nos arvoredos
Das praias d'além do mar?
Foi na terra tua amada,
Nessa terra tão banhada
Por teu límpido clarão?
Foi na terra dos verdes,
Na pátria dos meus amores,
Pátria do meu coração?*

*Oh! que foi!... deixaste o brilho
Nos montes de Portugal,
Lá onde nasce o tomilho,
Onde há fontes de cristal;
Lá onde viceja a rosa,
Onde a leve mariposa
Se espaneja à luz do sol <...>*

Лондонская луна

<...>

*Нежная луна!
Где оставила ты
Тайны свои? Не там ли,
В прибрежных рощах за морем?
В краю твоём любимом,
Обласканном
Твоим прозрачным светом?
В краю зелёном,
Где любил я,
Где сердце моё живет?*

*Ах, да! Ты оставила сиянье своё
В горах Португалии,
Где благоухает тимьян,
Где сверкают ручьи,
Где распускается роза,
Где легкий мотылёк
Трепещет под лучами солнца <...>*

[Citador]

Родная страна видится ему удивительно красивой землей; на склоны её гор луна щедро льёт своё сияние, мерцающее в прохладных ручьях. Легкокрылый мотылёк, купающийся в солнечном свете, завершает элегию, выступая антитезой по отношению к меланхоличному и ностальгически печальному сиянию луны на темном бархате непроницаемо мрачного неба. Беззаботный и счастливый полёт растворяющегося в солнечных лучах мотылька звучит как финальный мажорный и жизнеутверждающий аккорд. Благодаря этому образу смягчается ощущение тоски и одиночества, задаваемое первой строфой.

Символом прекрасного видится бабочка и реалисту Сезариу Верде (1855–1886). В его лирике проявляются черты нарождающегося португальского модернизма.

Do poema “Setentrional”

*...Pousaram borboletas doidejantes
Nas tuas formosíssimas madeixas,
Daquela cor das messes lourejantes...*

[Верде, 2022, с. 119]

Из поэмы «Северное»

*...Все бабочки слетались, обожая
Твои густые, шелковые пряди,
Как спелый колос – щедрость урожая.*

[Верде, 2022, с. 120]

Мотив бабочки предстает в этой строфе прежде всего в значении «красота», как образ, сопровождающий чувство восторга, радостного волнения и оптимизма. Эпитет к бабочкам *‘doidejantes’*/безумные, фигурирующий в оригинале, но не воспроизведённый в переводе, изображает их сумасбродными, игривыми, бесшабашными, предающимися буйному веселью. Это прилагательное обогащает лингвопоэтическую палитру образа и ассоциируется с юностью и легкостью, свежестью мировосприятия и бытия.

Удивительным образом созвучен отрывок из поэмы С. Верде *Flores velhas* («Увядавшие цветы») настроению сонетов его предшественника М. Бо-

каже. В воспоминаниях о былой любви возникает сад, который, хотя и сопряжен с эпитетом *agreste/дикий, запущенный*, сопоставим с утраченным раем. Изысканные танцы невесомых, парящих в воздухе пчёл и бабочек придают ему мистическую, ажурную ауру. Но не на них, реальных и радостных, сосредоточен поэт. Ему дороже их тени, размытые контуры, влекущие в отрадное прошлое, а возможно, и в иные миры:

*Em tudo cintilava o límpido poema
Com ósculos rimado às luzes dos planetas:
A abelha inda zumbia em torno da alfazema;
E ondulava o matiz das leves borboletas.*
[Citador]

*Во всем вокруг еще поэзия жила,
Рифмуя звездный свет и ожиданье ласки,
И над лавандою еще вила пчела,
И тени бабочек сплетались в легкой пляске.*
(перевод Ю. Корнеева)
[Лузитанская лира, 1986, с. 425]

Тоска С. Верде по невозвратимым ушедшим дням возвращает нас к мотиву *saudade/саудаде*, столь значимому в португальской культуре. В этот старинный мотив, обогащающийся новыми поэтическими реминисценциями, искусно вплетены образы бабочки и пчелы.

3. Начало XX в.: Ф. Эшпанка

Необычную индивидуально-авторскую интерпретацию образ бабочки получает в поэзии Флорбелы Эшпанки (1894–1930), чей творческий мир отличается предельным накалом страстей.

*A Minha Tragédia
Eu não gosto do sol, eu tenho medo
Que me leiam nos olhos o segredo
De não amar ninguém, de ser assim!*

*Gosto da Noite imensa, triste, preta,
Como esta estranha e doida borboleta
Que eu sinto sempre a voltejar em mim!*
[Escritas]

*Моя трагедия
Я ненавижу солнце, я боюсь,
что тайны глаз моих узнают,
поймут, что никого я не люблю и какова я!*

*Люблю я ночь густую, грустную, глухую,
Как взбалмошная бабочка чудная,
Порхающая у меня внутри!*

Традиционный мотив бабочки-души обретает новое звучание. В процитированном выше сонете это хрупкое создание – не просто душа, но душа в смятении, растерявшаяся и смущённая. Сумасшедшей, странной называет её поэтесса. Душа беспокоится, трепещет, как бабочка крылышками. Сумасбродство, взбалмошность, неуравновешенность ассоциируются с поведением бабочки: ее разнонаправленные движения в воздухе для человека нелогичны, хаотичны, суетливы.

Не менее оригинальную метафору мы находим в стихотворении *Srepúsculo/«Сумерки»*.

*Teus olhos, borboletas de oiro, ardentes
Batendo as asas leves, irisadas,
Poisam nos meus, suaves e cansadas
Como em dois lírios roxos e dolentes.*
[Citador]

*Глаза твои – золотые бабочки, горящие,
Порхающие, легкими крыльями
Останавливаются на моих, нежных и усталых,
Будто на двух лилиях, лиловых, скорбящих.*

Здесь золотистым бабочкам уподобляются глаза возлюбленного, в чем, с одной стороны, проявляется авторская трансформация образа, который обогащается новыми ассоциациями. С другой же стороны, Ф. Эшпанка остается верна поэтической традиции Португалии, поскольку в сонете глаза-бабочки

принадлежат *ему*, а глаза-цветы – *ей*. Глубинное соотношение: бабочка – он, цветок – она, преобладающее в португальской лирике предшествующих эпох, остается неизменным и в этом произведении.

4. Модернизм: Ф. Пессоа и его гетероним А. Каэйру

Широкий простор для творческого эксперимента открывает период модернизма, крупнейшим представителем которого в Португалии был Фернандо Пессоа (1888–1935) [Жуков, Ковалев, Николаева, 2022]. В историю мировой литературы он вошел как создатель множества литературных масок. Один из ключевых его гетеронимов – Алберту Каэйру. Это поэт ощущений, который подобно художникам-импрессионистам стремится изобразить мир таким, каким он непредвзято и непосредственно воспринимается, а не таким, каким он мыслится. Бабочка для него – инструмент, помогающий проиллюстрировать мысль о субъективности объективного мира, что специфика наших органов восприятия наделяет его теми или иными свойствами. Тем не менее всё стихотворение построено именно на конкретном, зримом энтомологическом образе, который преодолевает границы художественной детали, объединяя в себе как наблюдаемые фактологические подробности, так и их метафорическое переосмысление [Колкер, 2023, с. 47] как явления недолговечного, как исчезающего, едва осязаемого мига.

*Passa uma borboleta por diante de mim
E pela primeira vez no Universo eu reparo
Que as borboletas não têm cor nem movimento,
Assim como as flores não têm perfume nem cor.
A cor é que tem cor nas asas da borboleta,
No movimento da borboleta o movimento é que se move.
O perfume é que tem perfume no perfume da flor.
A borboleta é apenas borboleta
E a flor é apenas flor.*

*Вот бабочка передо мною пролетает,
И впервые во Вселенной я замечаю:
Нет в ней цвета, нет движенья.
И у цветов нет аромата, цвета нет.
Цвет есть у красок крыльев,
А в движенье само движенье движется.
И запах – в запахе цветка.
А бабочка – всего лишь бабочка.
Цветок есть только лишь цветок.*

[Escritas]

Поэт намеренно освобождает образ бабочки от окружающей его многовековой символики. «Бабочка – это всего лишь бабочка», – утверждает он и тем самым призывает видеть вещи как таковые, а не углубляться в размышления о них, предлагает фокусироваться на предмете, а не на связанных с ним ассоциациях или приписываемых ему свойствах. В этом и состоит философия поэта, стремившегося запечатлеть реальность, взятую в ее непосредственном чувственном восприятии. «Я – один из хранителей стад. / Стадо – это мои мысли. / И все мои мысли – это ощущения» (перевод И. Фещенко-Скворцовой) [URL: <https://stihi.ru/2019/06/07/4918>] – вот мировоззренческий манифест А. Каэйру, заявленный им в одном из его программных стихотворений.

Отметим, что бином бабочки и пламени окутан у Пессоа мистической завесой и, возможно, символизирует, с одной стороны, духовный свет и стремление к нему, а с другой – мирские сомнения, метания, кружения, суетливые передвижения. Старая, устоявшаяся образная платформа получает здесь иное, магическое и завораживающее звучание. Подобные лингвопоэтические трансформации могут быть обусловлены экстралингвистическими факторами: нравственным кризисом в социуме, сменой философских парадигм и модальностью субъективного мировосприятия [Zubova, 2023].

*Em torno ao candeeiro desolado
Cujo petróleo me alumia a vida,
Paira uma borboleta, por mandado
Da sua consistência indefinida.*

*Вокруг одинокой свечи,
Чьё пламя озаряет жизнь мою,
Порхает бабочка, – по воле
своей невятной сути.*

[Pessoa]

Пессоа по-своему объясняет, почему бабочка вершит свое нетерпеливое кружение вокруг светильника. Он видит причину в самой непреодолимой и невыразимой природе, в изначальной хаотичности этого незадачливого существа, подразумевая, по всей вероятности, параллель с неопределённостью, нерациональностью человеческих желаний, представлений и порывов.

Заключение

Проведенный нами анализ позволяет установить, что в более ранних произведениях (XVII – середина XIX в.) образ бабочки предстает как аллегория влюбленного юноши (Баия, Алмейда-Гаррет), символ беспечности (Баия) или художественная деталь – украшение буколического пейзажа (Бокаже). В дальнейшем его лингвопоэтическая семантика претерпевает существенную трансформацию. Преобладавшая ранее мажорная тональность сменяется оценочной амбивалентностью. В стихотворениях XIX – начала XX в. бабочка ассоциируется и с положительно оцениваемой свободой (Диниш), и с негативно окрашенным чувством тоски (Лемуш).

Лингвопоэтическое содержание исследуемого образа расширяется благодаря философскому осмыслению, представленному, в частности, в творчестве Ф. Пессоа. Крупнейший португальский поэт-модернист видит в бабочке и часть сенсорно воспринимаемого мира, и символ сомнений, тревог, что отсылает нас к миру внутреннему, духовному. Именно психологические мотивы в XX в. выходят на первый план в трактовке анализируемого образа. При этом традиционно закрепленные за ним значения не утрачиваются, но предстают в новой авторской интерпретации. Так, для Ф. Эшпанки бабочка символизирует не просто душу, но душу в смятении, «безумную». Новое звучание в ее поэзии обретает традиционная для португальской лирики параллель: «бабочка – он, цветок – она», поскольку с цветами и бабочками она сравнивает глаза влюбленных. Магистральная в поэтической картине мира Португалии ассоциация «бабочка – любовь» получает продолжение и у С. Верде, который придает ей меланхолический оттенок.

Все сказанное определяет лингвопоэтическую специфику образа бабочки в португальской лирике и подтверждает, что его смысловое развитие определяется двумя взаимодополняющими тенденциями: преемственностью и новаторством.

Список источников

Акатова А. А. Пролетический символ «бабочка» в «Коллекционере» Джона Фаулза: семантико-семиотический аспект // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 1. С. 76–81. <https://doi.org/10.30853/phil20220716>

Алмейда Гаррет Ж. Б. Поэма «Камоэнс». Стихотворения. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 240 с.

Бабочки полёт: японские трехстишия / пер. с яп. В. Н. Марковой. М.: Летопись, 1998. 357 с.

Баранова К. В. «Эти свободные бабочки» (о «сквозном» образе в искусстве) // Мир культуры: культуроведение, культурология, культурология: сб. науч. тр. / под ред. Т. Н. Арцыбашевой, Г. А. Салтык. Курск: Курский гос. ун-т, 2017. С. 18–21.

Богданова О. В., Баранова Т. Н. Безграничные миры Иосифа Бродского. СПб.: Алетейя, 2023. 316 с.

Бокаже М. Лирика / пер. с португ.; сост., предисл., коммент. С. Пискуновой. М.: Худож. лит., 1988. 448 с.

Бусон Ё. Стихи и проза / пер. с яп., предисл. и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. СПб.: Гиперион, 1998. 256 с.

Верде С. Поэзия / Poesia / пер. с порт. И. Фещенко-Скворцовой. Лиссабон: Эл Эдисойш, 2022. 271 с.

Греческо-русский/русско-греческий онлайн-словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://greeklang.ru/> (дата обращения: 03.01.2024).

Дробышева Е. К. Воздушная душа мгновения: диалог лирических героев в стихотворениях «Бабочка» А. Фета и «Бабочка» И. Бродского // Филол. открытия. 2015. № 3. С. 143–148.

Жуков А. П., Ковалев К. В., Николаева Е. С. Тенденции и закономерности португальской литературы XX века: писатели-номинанты на Нобелевскую премию по литературе // Древняя и Новая Романия. 2022. № 29. С. 150–168.

Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.

Классические хайку / пер. с яп. А. Выхих. // Журнальный зал. Иностран. лит. 2000. № 12. С. 78–80.

Колкер Я. М. Философская подоплека поэтического творчества и ее реализация в художественной детали // Иностран. языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 47–53. <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.65.2.007>

Колосова С. Н. Метафора жизни в стихотворении А. А. Фета «Бабочка» // Гуманит. пространство. 2017. № 4. С. 723–727.

Котовчихина Н. Д. Насекомое как образ, символ, мифологема в русской литературе: системно-целостный подход // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2 (75). С. 535–537.

Лузитанская лира: стихи / сост., предисл., коммент. С. Пискуновой. М.: Худож. лит., 1986. 494 с.

Михайлова Ю. Л. Мотив бабочки в произведениях В. Набокова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 7. С. 223–226.

Пименова М. В., Айдарбекова А. С., Ибраимова Г. О. Символическая когнитивная модель «душа – бабочка» и ее варианты в русской лингвокультуре // Изв. Волгоградского гос. соц.-пед. ун-та. Филол. науки. 2023. № 3 (3). С. 39–44.

Праду А. Стихи / пер. с португ. В. Махортовой // Иностран. лит. 2023. № 6. С. 126–130.

Рогова Е. Н. Образ бабочки и элегический код в литературном произведении // Новый филол. вестн. 2007. № 2 (5). С. 229–238.

Сюз Фэй. Притчи Чжуан-цзы. М.: Шанс, 2022. 223 с.

Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. 448 с.

Трунова О. В., Волкова А. Ю. Культурная обусловленность символического прочтения образа бабочки // Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка. М.: Книгодел: МГПУ, 2020. С. 230–236.

Чистова С. С. Субсфера «Природа» как источник метафоризации в романе Р. Брэдли «451 градус по Фаренгейту» // Науч. результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6, № 2. С. 133–150. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-11>

Явинская Ю. В. «Вечно бабочкой летать...» Уподобление образов человека и бабочки в русской поэзии // Русская речь. 2018. № 3. С. 24–29.

Blanco C. Metamorphoses of the Butterfly in Classical Antiquity: From the Female Body to the Soul of the Dead. PhD Thesis. University of Cambridge, 2019. <https://doi.org/10.17863/CAM.38569>

Braz Teixeira A. A Filosofia da Saudade. Matosinhos: Quidnovi, 2006. 176 p.

Citador. Citações e frases. URL: <https://www.citador.pt/poemas> (дата обращения: 12.09.2023).

Escritas. URL: <https://www.escritas.org/pt/> (дата обращения: 31.01.2024).

Le Corre H. Poemas digitalizados – ¿mariposas en la red? El ejemplo de Tempus/Pacha (2019) de Fredy Vallejos, Lucila Lema Otavalo y Agustín Guambo // América sin Nombre. 2023. № 28. P. 135–150.

Pessoa F. Arquivo Pessoa. URL: <http://arquivopessoa.net/> (дата обращения: 07.09.2023).

- Rutterova K. Borboletabirinto da poesia de Ondjaki // *Études romanes de Brno*. 2018. Vol. 39, № 1. P. 21–34. <https://doi.org/10.5817/ERB2018-1-2>
- Soto L. G., Quintanar M. A. M. BRAZ TEIXEIRA, António: A saudade na poesia lusófona africana e outros estudos sobre a saudade, MIL (Movimento Internacional Lusófono) e DG Edições, Linda-a-Velha (Portugal), 2021, 170 p. // *Agora. Papeles de Filosofia*. 2022. Vol. 41, № 1. <https://doi.org/10.15304/agora.41.1.8031>
- Terblanche E. Butterfly Dialectics in Modern Poetry // *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. 2017. Vol. 24, № 4. P. 620–638. <https://doi.org/10.1093/isle/isx065>
- Zubova L. V. Prohibitions and conventions in Russian poetry // *Заметки ученого*. 2023. № 7. P. 256–259.

References

- Akatova, A. A. (2023). Proleptic symbol of “a butterfly” in “The Collector” by John Fowles: a semantic and semiotic aspect. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, vol. 16, no. 1, pp. 76-81. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/phil20220716>
- Almeida Garrett, J. B. (1998). *The poem “Camões”. Poems*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publishing House, 240 p. (In Russian).
- Baranova, K. V. (2017). “These free butterflies” (about the “through” image in art). *The World of culture: cultural studies, cultural studies, cultural studies*. Collection of scientific papers. T. N. Artsybasheva, G. A. Saltyk (eds.). Kursk, Kursk State University, pp. 18-21. (In Russian).
- Markova, V. N., transl. (1998). *Butterflies flight: Japanese triplets*. Moscow, Chronicle, 357 p. (In Russian).
- Blanco, Ch. (2019). *Metamorphoses of the Butterfly in Classical Antiquity: From the Female Body to the Soul of the Dead*. PhD Thesis. University of Cambridge. <https://doi.org/10.17863/CAM.38569>
- Bocage, M. (1988). *Lyrics*. Transl. from Portuguese; comp., preface, commentary by S. Piskunova. Moscow, Art Literature, 448 p. (In Russian).
- Bogdanova, O. V. and Baranova, T. N. (2023). *The boundless worlds of Joseph Brodsky*. St. Petersburg, Alethea, 316 p. (In Russian).
- Braz Teixeira, A. (2006). *A Filosofia da Saudade*. Matosinhos, Quidnovi, 175 p. (In Portuguese).
- Buson, Ye. (1998). *Poems and prose*. Transl. from Japanese, pref. and a comm. by T. Sokolova-Delyusina. St. Petersburg, Hyperion, 256 p. (In Russian).
- Citador. *Citações e frases*. Available at: <https://www.citador.pt/poemas> (accessed 12 September 2023). (In Portuguese).
- Cirlot, J. E. (1994). *A dictionary of symbols*. Moscow, REFL-book, 608 p. (In Russian).
- Vyalykh A., transl. (2000). Classical haiku. *The coffee room. Foreign Literature*, no. 12, pp. 78-80. (In Russian).
- Chistova, S. S. (2020). Subsphere “Nature” as a source of metaphorization in R. Bradbury's novel “451 degrees Fahrenheit”. *Research Results. Questions of Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 6, no. 2, pp. 133-150. (In Russian). <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-2-0-11>
- Drobysheva, E. K. (2015). The airy soul of a moment: a dialogue of lyrical heroes in the poems “Butterfly” by A. Fet and “Butterfly” by I. Brodsky. *Philological Discoveries*, no. 3, pp. 143-148. (In Russian).
- Escritas*. Available at: <https://www.escritas.org/pt/> (accessed 31 January 2024). (In Portuguese).
- Kolker, Ya. M. (2023). The philosophical background of poetic creativity and its implementation in artistic detail. *Foreign Languages in Higher Education*, no. 2, pp. 47-53. (In Russian). <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.65.2.007>
- Kolosova, S. N. (2017). Metaphor of life in A. A. Fet's poem “Butterfly”. *Humanitarian Space*, no. 4, pp. 723-727. (In Russian).
- Kotovchikhina, N. D. (2019). The insect as an image, symbol, mythologeme in Russian literature: a systemically holistic approach. *World of Science, Culture, Education*, no. 2, pp. 535-537. (In Russian).
- Le Corre, H. (2023). Poemas digitalizados – ¿mariposas en la red? El ejemplo de Tempus/Pacha (2019) de Fredy Vallejos, Lucila Lema Otavalo y Agustín Guambo. *América sin Nombre*, no. 28, pp. 135-150. (In Spanish).

- Mikhailova, Yu. L. (2010). Butterfly motif in the works of V. Nabokov. *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, no. 7, pp. 223-226. (In Russian).
- Pessoa, F. *Arquivo Pessoa*. Available at: <http://arquivopessoa.net/> (accessed 7 September 2023). (In Portuguese).
- Pimenova, M. V., Aidarbekova, A. S. and Ibraimova, G. O. (2023). Symbolic cognitive model "butterfly soul" and its variants in Russian linguoculture. *Proceedings of the Volgograd State Socio-Pedagogical University. Philological Sciences*, no. 3, pp. 39-44. (In Russian).
- Piskunova, S., comp., preface, comm. (1986). *Lusitanian lyre: poems*. Moscow, Art Literature, 494 p. (In Russian).
- Pradu, A. (2023). Poems. Transl. from the Portuguese by V. Makhortova. *Foreign Literature*, no. 6, pp. 126-130. (In Russian).
- Rogova, E. N. (2007). Butterfly's image and elegiac code in a literary work. *New Philological Bulletin*, no. 2, pp. 229-238. (In Russian).
- Russian Russian / Russian-Greek online dictionary*. Available at: <http://greeklang.ru/> (accessed 3 January 2024). (In Russian).
- Rutterova, K. (2018). Borboletabirinto da poesia de Ondjaki. *Études romanes de Brno*, vol. 39, no. 1, pp. 21-34. (In Portuguese). <https://doi.org/10.5817/ERB2018-1-2>
- Soto, L. G. and Quintanar, M. A. M. (2022). BRAZ TEIXEIRA, António: A saudade na poesia lusófona africana e outros estudos sobre a saudade, MIL (Movimento Internacional Lusófono) e DG Edições, Linda-a-Velha (Portugal), 2021, 170 p. *Agora. Papeles de Filosofia*, vol. 41, no. 1. (In Portuguese). <https://doi.org/10.15304/agora.41.1.8031>
- Terblanche, E. (2017). Butterfly Dialectics in Modern Poetry. *Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*, vol. 24, no. 4, pp. 620-638. <https://doi.org/10.1093/isle/isx065>
- Tresidder, D. (1999). *Dictionary of symbols*. Moscow, Grand: FAIR-Press, 448 p. (In Russian).
- Trunova, O. V. and Volkova, A. Yu. (2020). Cultural conditionality of symbolic interpretation of the butterfly image. *The insect world in the space of literature, culture and language*. Moscow, Publisher, pp. 230-236. (In Russian).
- Verde, C. (2022). *Poetry / Poesia*. Transl. by I. Feshchenko-Skvortsova. Lisbon, El Edições, 271 p. (In Russian).
- Xue Fei. (2022). *Chuang Tzu Parables*. Moscow, Chance, 223 p. (In Russian).
- Yavinskaya, Yu. V. (2018). "Forever flying like a butterfly..." Likening images of man and butterfly in Russian poetry. *Russian Speech*, no. 3, pp. 24-29. (In Russian).
- Zhukov, A. P., Kovalev, K. V. and Nikolaeva, E. S. (2022). Trends and patterns of Portuguese literature of the twentieth century: writers-nominees for the Nobel Prize in Literature. *Ancient and New Romania*, no. 29, pp. 150-168. (In Russian).
- Zubova, L. V. (2023). Prohibitions and conventions in Russian poetry. *Notes of a Scientist*, no. 7, pp. 256-259.

Сведения об авторах

Махортова Варвара Александровна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры португальского языка, varvara2504@mail.ru

Кутьева Марина Викторовна – канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков №2, marku2006@yandex.ru

Information about the Authors

Varvara A. Makhortova – Ph.D. in Philology, senior lecturer of the Portuguese Language Department, varvara2504@mail.ru

Marina V. Kutyeva – Ph.D. in Philology, associate professor, associate professor of the Foreign Languages Department №2, marku2006@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.12.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 07.12.2024; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.